

Часть первая

Настоящее Штрих

5. И удвоенные одного и того же равны между собой.
6. И половины одного и того же равны между собой.
7. И совмещающиеся друг с другом равны между собой.
8. И целое больше части.

Евклид.

Начала. Книга I. Аксиомы, 5–8

Пока молодой таксист, бодро поругиваясь, продирался через пробки из Пулково к центру, Маруся безуспешно пыталась придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение произошедшему сегодня. Она листала переписку за неделю разлуки. И не находила ничего особенного. Ни в одном сообщении не видела она даже крохотного ключа к пониманию. Надежда оставалась лишь на ту связку, что лежала во внутреннем кармане рюкзака.

Илья дал их в первое общее утро, когда она надевала туфли в прихожей. «Не забудь, пожалуйста, ключи», — сказал он буднично, жестом указав на тумбу трельяжа. Там лежало простое голое колечко с «таблеткой» от домофона и английским ключом от входной двери. (Уже потом Маруся сама купила к ним брелок в виде крохотной маски Вольто.)

Воспоминания мелькали в голове быстрее, чем проспект за окошком такси, где ранняя весна была похожа на позднюю осень.

Ближе к Лиговке пробка на дороге неожиданно стала пожиже.

— Сейчас перекресток проскочим, там пошустрее пойдем, — бросив короткий взгляд в навигатор, сообщил таксист то ли пассажирке, то ли сам себе.

— Не спешите, пожалуйста. — Маруся вернулась мыслями в салон.

И добавила, прохладно усмехнувшись:

— Меня ждут дома.

2

Посреди ночи вдруг стало вполонину меньше воздуха. Из илистой глубины чужого, невиданного им прежде сна Илья раз-другой безуспешно попытался ухватить неловким рыбьим ртом, и горлом, и грудью вдох порцией побольше, а потом распахнул глаза в темноту. Поначалу прикинулось, что он провалился, а комната выросла вдвое, будто чья-то чудовищная рука резко вытянула потолок, как поршень, на два с половиной метра вверх. Однако затем едва различимая в сумраке люстра медленно и невесомо приблизилась, пространство цвета черного янтаря

обнаружило привычные размеры и улеглось в себе ровно. Сам же он, похоже, последние часы лежал как раз таки очень неудачно. Теперь вся левая половина тела затекла, а шея оказалась вывернутой куда-то вправо и вниз да эдак вот и застывшей. Илья осторожно приподнялся, посидел, растирая онемевшие, чужеродные руку и ногу. Они казались приставленными к нему случайными и не очень понятно зачем нужными кусками. Илья встал, оперевшись на изножье кровати, и по стеночке поковылял в уборную. Вчера там перегорела лампочка, заменить ее сразу он поленился, отложив возню до утра, — и сейчас ему все приходилось делать ощупью.

Илья и его последний сон еще не до конца покинули друг друга. Сон был чужим и потому особенно неприятным. В привычной ночной тишине давно обжитой квартиры Илья медленно оттаивал теперь, протекая в себя оттуда, где лишь несколькими минутами ранее, вытянувшись к невидимому и ветреному утреннему небу, стоял ногами на узкой деревянной скамье, которую прежде годами протирали ягодицы школяров Водоходного училища. Виселицу сколотили наспех, без науки, и, когда приговоренные уже поднялись на помост, выяснилось, что перекладина слишком высока и шеи, вишь, никак не достают до назначенных им петель. Искать веревки подлиннее, вязать заново казалось долгим. Послали в училище за скамьей, на которой теперь и стоял он в мешке, скрывавшем тело от головы до пояса.

«Господи, да зачем это!» — вырвалось немое восклицание. Руки, накрепко стянутые ремнями, были прижаты к телу, ноги связаны у лодыжек. Но еще, помнится, оставалась возможность неловко покрутить головой — и тот, чей сон видел Илья, присматриваясь, узнавал сквозь щелочки в мешковине и ноги стоящих рядом на скамейке, слева и справа от него, и лица иных зрителей, реденькими рядами замерших в некотором отдалении. Надо было бы ему собраться с духом и еще раз на виду просить у них прощения — у тех и у других. Но для этого не было уже ни голоса, ни вида, ни смирения, ни сил. Сколько ни молился, сколько ни храбрился тот человек во сне, а все же страх переполнял его. Особенно резко нахлынуло, когда углядел, как медленно направляется к их помосту здоровенный кат в длинной рубахе и черной жилетке. Хотелось отчего-то потверже запомнить его неприметное, смазанное мужицкое лицо. Но в этот миг он вдруг словно бы провалился куда-то внутрь, и ему осталось вполтину меньше воздуха.

Не спеша пробравшись через освоенное пространство на кухню, Илья зажег наконец свет и тогда-то, наливая в кружку прохладной воды из кувшина, узнал по отражению в оконном стекле, что с левой стороны выросла у него на собственной шее вторая голова.

3

Придя в себя, Илья вскочил на ноги и бросился в прихожую к зеркалу. Щелкнув выключателем, он принялся рассматривать то, чем теперь стал. Как безумец, ощупывал пальцами чужие волосы, чужую кожу, лоб, нос, уши, колкую щетину под носом и на подбородке. Легонько шлепнул по чужой щеке. Еще раз, чуть сильнее. Взял это в ладони за виски и попытался покрутить. Осторожно коснулся сомкнутых губ и брезгливо отдернулся. Голова тихо, едва заметно дышала вместе с ним, но глаза ее были закрыты, веки не подрагивали и никак не реагировали на прикосновения. И она была, она была, она была — настоящей. Илья чувствовал на себе ее прохладное и живое тепло — невозможное, омерзительное, немислимое! — и не представлял, что дальше с ним делать. Что за кунсткамера, о все черти Иеронима Босха, что за психушка! «Господи, да зачем это! зачем это?!» — мысль колотилась изнутри о череп, как резиновая муха о плафон.

Он вернулся на кухню. Подняв валявшуюся на полу кружку и, быстро вытерев лужу разлитой воды, взял зубочистку и слегка ткнул в чужую щеку — ничего. Сам он ничего не почувствовал, та голова тоже ничем не откликнулась на укол.

Взгляд на мгновение задержался на торчащих из держателя рукоятках кухонных ножей. Илья крепко потер лоб и выключил свет. За окошком едва заметно примерялся к миру рассвет, сумерки разжижали густую краску ночи. Негромко шумел в ледяной глубине своего нутра ворчливый холодильник. Двоящееся дыхание сливалось в темноте с этим глубинным гулом. Ярко светились четыре цифры на микроволновке. Последняя сменилась — раз, и другой, и третий. Время мерно и неуклонно шло вперед — везде, неподалеку, здесь. В полумраке Илья достал из шкафчика початую бутылку коньяка, взял кружку. Потом поставил кружку на стол, резким глубоким глотком отпил прямо из горлышка и пошел обратно в прихожую.

Он стоял перед зеркалом и разглядывал оба своих лица.

— И как, — громко сказал Илья, — посмотреть на меня вообще собираешься?

Он сделал еще два глотка, вытер губы тыльной стороной ладони и, скорчив гримасу, кривляясь, молча протянул бутылку отражению. Двухголовый человек из зеркала протянул ему свою. Лево́й рукой Илья неловко взъерошил волосы на другой голове, потом аккуратно пригладил их. Выпил опять.

— Что, на моей подушке будешь спать теперь, дядя? Не забывай почаще бошку мыть! — Он вдруг то ли закашлялся, то ли расхохотался и долго, долго не мог остановиться, пока его

надрывный смех не превратился нечувствительно в жалкие, болезненные, будто при рвотных спазмах, густо выталкиваемые горлом всхлипы. Два лица его отражения были похожи до неразличимости, словно оба вышли из 3D-принтера, и вместе с тем неуловимо отличались: то ли как портрет и дагерротип, то ли как гипсовый бюст и посмертная маска.

— Римская копия с вымышленного оригинала, — пробормотал себе под нос Илья и тут же потянулся к карману за телефоном — сохранить в заметках.

Лишь спустя мгновение сообразил, что они стоят здесь, в прихожей в одном исподнем. Сделал еще несколько глотков, и еще, уже почти не ощущая крепости своего ночного напитка.

— Пошел ты!.. — разворачиваясь, бросил он через плечо дворовое словцо — не зло, брезгливо. Небрежно, будто сплюнул. Споткнувшись о подвернувшуюся ногу, побрел в спальню, нашарил на тумбочке у изголовья телефон, успел, кажется, записать свою случайную фразу и, как стоял, прямо вместе с телефоном в руке, тяжело рухнул в кровать, в бережно подставленные ему большие и мягкие, как мамины, ладони небытия.

4

Он проснулся сломанным около десяти часов. Значит, будильник в четверть восьмого рука отключила без его участия. В первые минуты наяву он не решался ни коснуться себя, ни скосить глаза налево. «Пусть все это будет просто глюк. Пустое наваждение, да? Ну правда, пусть?..» — загадывал про себя, нарочно полуприкрыв веки, и думал, что бы ему такого пообещать мирозданию, богу, дхарме, собственному похмелью, если сбудется. Однако все его хрупкие надежды и скоропалительные обеты разбились вдребезги еще даже до взгляда в зеркало, до широко открытых глаз — о горящий в прихожей с ночи свет и о стоящую на тумбе трельяжа пустую коньячную ноль-семь. Это все взаправду, Илья. Всерьез.

«Черт, — пронзила его осиная мысль, — ведь сегодня Маруся прилетает!» Он быстро вернулся в спальню за телефоном. Поспешно сохранил в облаке висевшую с ночи записку и открыл менеджер задач. Так и есть, сегодня: «16:15 Пулково МБ», — было выделено в списке важного. Илья коснулся своей второй головы, так и не открывшей до сей поры глаз, опустился на пол — и вдруг разрыдался, отчаянно и горько, как обманутое дитя.

«Маруся, прости, я не смогу тебя встретить, — написал он. — Приболел немного». И отправил сообщение тут же, чтобы не дать сомнениям ни единого шанса проскользнуть к сердцу. «Не переживай, ничего серьезного, просто мне надо полежать день-другой», — пусть будет как-то так. «Пока не звони, ладно? Напишу сам, когда станет получше», — отправил вдогонку. Еще написал: «Целую тебя очень, любимая».

И сразу выключил телефон. Потому что теперь ему было по-настоящему страшно.

Теперь он остался один в целом мире, сам по себе, наедине с собственным чудовищным телом. Если только. Да — если только вторая голова не наблюдала за ним из-под по-прежнему сомкнутых век. Тогда они вдвоем. С этим спящим черт-те кем, который теперь ближе близнеца. За фото с эдаким чучелом можно двойную цену у туристов брать — мелькнула глумная мысль. Прежде всего надо было успокоиться. Хотя бы попытаться. Оценить. То, что случилось. Не в сказке, не в кино — наяву. Сложнее всего человеку поверить не в летающие над собственной крышей тарелки, не в мировое правительство и не в то, что у осьминога три сердца и умов палата — побольше, чем у иного хомо сапиенс. Сложнее всего человеку поверить, что какая-то непоправимая дрянь случилась именно с ним.

Ладно, шутить он, кажется, еще мог — хотя и несколько истерически. Предстояло решить, что делать дальше с жизнью. Денег хватит, думал Илья, он накопил большой запас от заказов — года два откладывал на первый взнос за новую квартиру, где можно было бы, наконец, жить им уже вместе с Машей... а там и втроем, и вчетвером. Но теперь, похоже, ипотека ему вряд ли понадобится. И на этот свой энзэ даже без копейки будущих доходов он запросто протянет год, а то и дольше. К тому же без доходов он остаться не должен — работа у него дистанционная, личной встречи заказчики почти никогда не требуют. Продукты, книги, другие покупки — курьером. С бесконтактной доставкой. Платежи — онлайн. Курить он давно бросил. По алкоголю на дом у него имелось сразу несколько серых решений. Единственным, пожалуй, что по-настоящему крепко привязывало его к миру за пределами маленькой квартиры, оставался мусор. Мысли о том, чтобы показаться с мешком бытовых отходов в теперешнем своем виде в парадном и во дворе, Илья не допускал. Но и тут, кажется, могла для него найтись лазейка. У председателя надо будет взять телефон дворника и договориться, чтобы тот ежеутренне забирал оставленный у двери на площадке мусор. Разумеется, не безвозмездно. Старика Умара он знал не первый год, раскланивался с ним всякий раз при встрече и надеялся, что дворник не откажет в помощи, особенно если Илья скажется

больным, неходячим... да что-нибудь там можно будет придумать.

Тревожила его, получается, только проблема с Марусей. А, ну да, еще отчим — но о Марке он беспокоился меньше, чем о мусоре. А Маша ведь не станет даже слушать, непременно сразу же вызовет неотложку, поедет с ним в больницу, будет настаивать на операции, ампутации — что там они с врачами придумают. А этого нельзя. Этого нельзя — твердо был уверен Илья, сам не зная, откуда, собственно, у него взялось такое знание. Значит, и Маши — как бы оно ни было тяжело — больше нельзя.

Но это завтра. И все — завтра. Сегодня ему придется привыкать и осваиваться. А уж затем наступит после — постепенно, впрысками, не сразу. Надо будет записать новый выпуск подкаста. И начинать, наконец, следующий фаюм. И еще надо будет найти хозяина сегодняшнего сна, который, покусывая краешки сознания, не давал ему покоя.

5

С собой у Маруси был только рюкзачок ручной клади, поэтому через четверть часа после того, как самолет сел в Пулково, она уже ехала в такси. Из головы исчезли и далекий родительский дом, где она провела последнюю неделю,

и отец с мамой, и брат, и Настёна, и похороны бабушки, и предстоящее в понедельник собеседование — оставалась одна только растущая опухоль тревоги за Илью с его раздражающим исчезновением.

Прежде мужчины не слишком ее беспокоили. Не то чтобы за двадцать пять лет своей жизни Маша вовсе не привлекала их внимания. Однако оно всегда оказывалось эдаким ненавязчивым, пробным, небрежным: «да — да, нет — нет». И всякий раз ей беззаботно удавалось повернуться как-то так, что внимание это легко отскакивало от нее, скользнув лишь по касательной — и улетаая дальше, к новым предметам мужской заинтересованности, ведь, слава богу, Мария Бестужева была не единственной девушкой на свете. Да и не самой привлекательной, пожалуй: высокая, сероглазая, с хрупкими русыми волосами, тонкими губами и простоватыми, но правильными, может быть ангельскими, чертами лица — только вот совсем без женской изюминки, без вишенки улыбки, без ароматной ауры обаяния. Замкнутая, причудливая и очень худая, полупрозрачная какая-то вся на свет. «Я вот даже не знаю, Лиза, кто из вас кого играет: человек персонажа или персонаж человека — а?» — сказал ей Илья вечером в кафе в тот день, когда они познакомились.

Это произошло летом после ее третьего курса. Тогда случились трудности с деньгами, долго

рассказывать, и она попробовала найти подработку на каникулы. Помыкавшись по офисам — кому-то не пришлось по нраву она, кто-то не пришелся ей, — Маша, всегда трепетно любившая театр, подалась в уличные аниматоры.

— На императрицу-то ты ну вообще не тянешь, — покачав головой, задумчиво сказала хозяйка-вербовщица в конторе, ежедневно выпускавшей на питерские площади и проспекты полтора десятка пар венценосных спутников: Петров Великих с Екатеринами (то ли Первыми, то ли Вторыми, тоже Великими, — тут было сразу и не разобрать). — С фактурой, конечно, совсем беда.

— А кем можно? — кротко спросила Маруся.

— Ну кем... — протянула хозяйка. — Не знаю кем. Для барабанщицы соблазнов в тебе маловато. Да это, в общем-то, и не наш профиль. И пары для тебя нет. Не знаю. До завтра подумаю я, в кого нам тебя наряжать. Теперь. Условия такие: половина кармана твоя, половина — в кассу. Ничего не крысить, с этим строго. Реквизитом обеспечиваем, за платье — полторы в неделю, залог — пять. Можешь свое принести, не возбраняется. Пудры-помады свои. За фото берешь пятьсот с человека, если больше двоих — можно со всех тысячу. Как внимание привлечь, тонкости контакта, как со жмотьем себя вести — это завтра тебе девчата расскажут. А дальше все в твоих руках, милая. Приходи к девяти, в половину десятого уже идти на точку. Обед один час, к восьми

вечера выручку в офис. Можно позже, если клиент косяком идет, только позвони предупреди. Контролеры периодически приглядывают, так что в образе особо не хулигань, много не кури, не прохлаждайся. Если заказы на какие-то мероприятия развлекательные — все только через меня, никакой самодеятельности.

— Хорошо, — ответила Маша, — поняла. Я мало курю.

До завтра она все придумала сама. Неожиданно вспомнила, как в позапрошлом году писала доклад для конференции о девических стихах Елизаветы Кульман. Эта девочка из семьи обрусевших немцев жила на Васильевском острове в начале девятнадцатого века, с детства владела одиннадцатью языками и на нескольких из них — немецком, русском, итальянском и французском — писала стихи. Когда падчерице воображения исполнилось тринадцать, ее наставник Карл Гросгейнрих передал тетрадку с Лизиными немецкими, итальянскими и французскими стихами своему приятелю, знакомому с самим Гёте. Через несколько месяцев с письмом от этого приятеля они получили ответ гения: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гёте, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков она ни вздумала писать!» Увы, у ехидной судьбы был собственный умысел в отношении девочки. За неделю до чудовищного петербургского наводнения ноября 1824 года Лиза сильно

простудилась на свадьбе брата. В тот холодный ненастный день после венчания она, небогато и легко одетая, долго дожидалась на паперти церкви кареты, что должна была отвезти ее к молодым. Назавтра она заболела. А неделю спустя ужасы сокрушительной стихии окончательно истерзали чувствительную и впечатлительную натуру девушки. Простуда ее переросла в чахотку, и через год Лиза умерла семнадцати лет и четырех с половиной месяцев от роду. Сочинения ее были изданы стараниями Гросгейнриха лишь восемь лет спустя.

Трагический этот образ вновь показался Маше чудно близким. В нем-то и было решено явиться назавтра пред ясны очи питерских туристов. Русских стихов еще со школы ее память хранила наизусть с избытком — останется для полного вживания выучить несколько собственных русских и немецких стихотворений бедной Лизы плюс перечитать в ближайшие дни в Публичке книги, с которыми Маша работала тогда над своим докладом. Что там было? Статья профессора и цензора Никитенко «Жизнеописание девицы Елисаветы Кульман» в «Библиотеке для чтения» да сочинение того самого наставника-немца Карла Гросгейнриха «Елисавета Кульман и ея стихотворения».

За первый рабочий день с ней сфотографировались лишь дважды. Потом один раз. На третий день — опять дважды. Ни образ ее, ни взволнованные

декламации совершенно не интересовали туристов. Хозяйка по вечерам в офисе усмехалась с легким подозрением, но, видимо, контролер подтверждал, что новенькая не левачит. Екатерины сочувствовали ей, Петры поглядывали скептически. Устало возвращаясь домой к ночи с тощим заработком в кармане, Маруся начинала уже подумывать, что опять занялась не своим делом, что зря теряет время, торча каланчой на Сенатской площади, и что надо бы ей поискать другую работу.

А потом она встретила своего императора.

6

Маша увидела его погожим утром, когда курила в уголке у метро, перед тем как идти на точку. Он шел от выхода с «Адмиралтейской» — одинокий уличный император. В синем военном мундире из ее собственной, Лизиной, эпохи — белые лацканы с золочеными пуговицами, эполеты, белый жилет и кюлоты — красивый, молодой, слегка полноватый, с узнаваемой простой черной двуголкой в руках. Видимо, ухватив на ходу краешком глаза чье-то пристальное внимание, незнакомец и сам повернулся к ней. Скользнула улыбка, он остановился, слегка склонив голову, а затем приблизился к ней.

— Кто вы? Я вас раньше не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru